

«ПОЕЛИКУ ДЕ В МАЛОЙ РОССИИ НЕТ ДВОРЯН»? СТАТУС УКРАИНСКОГО «ШЛЯХЕТСТВА» В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ СЕРЕДИНЫ XVIII в. И РОЛЬ НЕФОРМАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ К.Г. РАЗУМОВСКОГО¹

М.А. Киселев, Я.А. Лазарев

Аннотация. В настоящей статье авторы реконструируют политический статус гетмана К.Г. Разумовского и степень влияния его неформальных связей на статус украинской казацкой элиты в середине XVIII в. На примере известного историографического казуса («сенатский указ 1761 г.») авторы статьи показывают, что ни претензии украинской казацкой элиты на «шляхетский» статус, ни стремления ее детей поступать в российские дворянские учебные заведения к началу 1760-х гг. не вызывали значимых возражений со стороны российской правящей элиты. Качественные изменения в стратегиях элитарной интеграции, случившиеся только в годы правления Елизаветы Петровны, авторы статьи объясняют стечением уникальных обстоятельств, связанных с приходом к власти Елизаветы Петровны, обусловившим политическое возвышение нескольких незнатных семейств, которые в скором времени «аристократизировались» и сформировали т.н. «новую знать». Случившаяся на неформальном уровне «смычка» способствовала официальному признанию украинской казацкой элиты в качестве малороссийского шляхетства, равного российскому дворянству. Такое признание сказалось на карьерных и образовательных практиках украинской казацкой элиты во второй половине XVIII в. и обеспечило успешную ее инкорпорацию.

Ключевые слова: история Украины, Российская империя, украинская казацкая элита, Гетманская Украина, Сухопутный шляхетский кадетский корпус, К.Г. Разумовский, Воронцовы, Елизавета Петровна.

Киселев Михаил Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Уральского федерального университета, старший научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения РАН, 620083, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 4, m.a.kiselev@urfu.ru.

Лазарев Яков Анатольевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник Лаборатории эдиционной археографии Уральского федерального университета, 620083, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 4, 9lazarev@gmail.com.

---

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда по теме «Неформальные связи в контексте государственного управления в России XVIII в.: административные стратегии и социальные практики» (Соглашение № 18-78-10093).

“ARE THERE NOBLES IN LITTLE RUSSIA”? STATUS OF THE UKRAINIAN “SHLYAKHETSTVO” IN THE RUSSIAN EMPIRE IN THE MIDDLE OF THE 18TH CENTURY AND THE ROLE OF INFORMAL RELATIONS OF K.G. RAZUMOVSKY

M.A. Kiselev, Ya.A. Lazarev

Abstract. In this article, the authors reconstruct the political status of Hetman K.G. Razumovsky and the degree of influence of his informal relations on the status of the Ukrainian Cossack elite in the middle of the XVIII century. The authors demonstrate that neither the claims of the Ukrainian Cossack elite for the status of “noblemen” nor their children’s desire to enter Russian noble schools by the beginning of the 1760s caused significant objections from the Russian ruling elite. The authors explain the qualitative changes in the strategies of elitist integration that occurred only during the reign of Elizaveta Petrovna by the combination of unique circumstances associated with the coming to power of Elizaveta Petrovna that led to the political rise of several unknown families, soon “aristocraticized” and formed the so-called “new nobility”. The informal “connection” between the Ukrainian Cossack elite and the Russian nobility contributed to the official recognition of the Ukrainian Cossack elite as a Malorossiysk nobility. This recognition affected the career and educational practices of the Ukrainian Cossack elite in the second half of the 18th century and ensured its successful incorporation.

Keywords: the history of Ukraine, the Russian Empire, the Ukrainian Cossack elite, Hetmanat, the Noble cadet corps, K.G. Razumovsky, Vorontsov, Elizaveta Petrovna.

Kiselev Mikhail A., Candidate of Science (History), Associate Professor, Department of Russian History, Ural Federal University; Senior Researcher, Institute of History and Archeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 4, ul. Turgeneva, Yekaterinburg, 620083, Russia, m.a.kiselev@urfu.ru.

Lazarev Yakov A., Candidate of Science (History), Researcher, Laboratory for Studying of Primary Sources, Ural Federal University, 4, ul. Turgeneva, Yekaterinburg, 620083, Russia, 9lazarev@gmail.com.

До сих пор ключевой и наиболее острой проблемой в изучении российско-украинских отношений середины XVII–XVIII вв. остается интерпретация механизмов интеграции в состав Российского государства земель и сословных групп региона, вошедшего в российский политический лексикон как «Малая Россия». По существующей историографической традиции данный регион являлся пространством воплощения для *украинского казацкого государства*. При этом последнее оказалось для Российского государства с его жесткой *централизацией* и вытекающей из нее политикой унификации чуждым элементом, подлежащим превращению в обычную провинцию империи. Главным актором, который противостоял такой имперской политике, оказывалась *украинская казацкая элита*. На этом допущении выстраивалось экзистенциальное противостояние, когда украинская казацкая элита испытывала постоянное давление со стороны российского правительства и в итоге не смогла сохранить украинскую государственность. Ее закат, завершившийся ликвидацией автономии Гетманской Украины в 1764 г., рассматривался как конец своеобразного «золотого века» украинской истории и стал одним из важнейших эпизодов в конструировании образа Украины как «жертвы», нации, сопротивляющейся деспотическому режиму ради сохранения свободы и обретения государственности на протяжении всей своей истории вплоть до 1991 г. [Когут, 1996; Плохий, 2013; Плохий, 2015; Український Гетьманат, 2018, кн. 1–2].

В описанной схеме наиболее сложным и проблемным местом является объяснение интеграции украинской казацкой элиты в состав общеимперского дворянства к концу XVIII в., в результате чего она стала частью главного привилегированного сословия Империи, а ряд ее представителей получил доступ к высоким государственным должностям, пополнивших ряды активных строителей Империи. Такая интеграция могла свидетельствовать о наличии важных точек соприкосновения между великороссийской и малороссийской элитами, нежели о существовании экзистенциальной вражды, обращенной в прошлое. Тем не менее, в историографии этой элитарной интеграции давались по-своему логичные «конфликтные» объяснения: от схем, иллюстрировавших политику «кнута» (деятельность Г.Н. Теплова и П.А. Румянцева) и «пряника» (Жалованная грамота дворянству 1785 г.), до концепции навязанной *лояльной идентичности* (внедрение в социально-политическое поле или национальное самосознание русских ценностей/имперских ценностных нарративов).

В рамках концепций такого рода акцент делается на насильственном/травматичном характере интеграции, во время которой имперский центр руководствовался образом нации «под подозрением». Российское правительство, ставя под вопрос привилегированный статус украинской казацкой элиты, или прямыми насильственными действиями, или тонкими интеллектуальными операциями принуждало ее отказаться от казацкой идентичности и казацкой же государственности в пользу имперской в обмен на официальное признание за ней статуса благородного сословия. Однако даже такой дорогой ценной украинское «шляхетство» не смогло добиться для себя равного отношения со стороны российского правительства вплоть до начала XIX в. Российское правительство постоянно принижало «благородный» статус казацкой элиты и акцентировало внимание на ее более «низком»

происхождении в сравнении с великороссийским дворянством (проверка дворянских дипломов конца XVIII–начала XIX в.). Важным следствием такой травматичной интеграции в общеимперское дворянское сословие стало то, что некоторая часть уже интегрированной украинской казацкой элиты/малороссийской шляхты, несмотря на свою лояльность, продолжала рефлексировать по поводу утраченной идентичности, сохраняя в своих исторических сочинениях, подобных знаменитой «Истории русов» (первая четверть XIX в.), память о легендарном казацком прошлом и утраченной государственности. Поддерживавшаяся российским правительством ситуация дискриминации стала важным условием для последующего возрождения украинской нации, ведь именно на основе переинтерпретации таких исторических сочинений малороссийской шляхты идеологи Кирилло-Мефодиевского братства (Т.Г. Шевченко, Н.И. Костомаров, П.А. Кулиш) смогли сформулировать «канон» украинской национальной истории, отдельной от истории Российского государства, а также концептуально закрепить «исторические травмы», наносимые российской стороной на протяжении всей истории казацкого государства.

Стоит ожидать, что столь серьезные социологические схемы опираются на массивный фактологический материал. Однако в качестве подтверждения насильственного/травматичного характера интеграции украинской казацкой элиты в состав российского дворянства, сопровождавшегося принижением ее статуса, приводится всего лишь несколько немногочисленных примеров. Одним из них является некий *сенатский указ* времени правления Елизаветы Петровны о запрете принимать детей украинской казацкой элиты в дворянские военные образовательные учреждения Российской империи, а точнее — в *Сухопутный шляхетный кадетский корпус*, на основании того, что в Малороссии отсутствовало дворянство. В украинской историографии данный указ имеет важное значение для реконструкции представлений российского правительства в отношении статуса украинского «шляхетства» в середине XVIII в.

Классик современной украинистики З.Е. Когут писал в работе 1983 г., что «имперские власти не полностью признали социально-экономическое положение украинской элиты. В то время как в Гетманщине члены украинского дворянства (*gentry*) считали себя полноправной *шляхтой*, российские власти неоднократно отказывались принимать их детей в имперские кадетские школы, потому что, по мнению Сената, “в Малороссии нет дворян”» [Kohut, 1983, p. 70]. Аналогичные утверждения приводят в своих работах ведущие украинские специалисты по истории образования. М.В. Яременко в очерке об образовательных стратегиях украинской казацкой элиты отмечает, что «присутствие детей украинской старшины было заметно в сухопутном Шляхетском корпусе уже в 1760-х гг., хотя наиболее интенсивно они стали туда поступать только в конце столетия — после официального уравнивания в правах с дворянством». Поясняя свою мысль, историк пишет в подстрочном примечании, что в «1761 г. Сенат запретил принимать “малороссиян” в Кадетский корпус потому, что в “Малороссии” будто бы нет дворян, но в 1767 г. это ограничение было отменено» [Український Гетьманат, 2018, кн. 2, с. 362]. Схожим образом Л.Ю. Посохова в новейшем исследовании утверждает, что «в 1761 году Сенат запретил принимать этих детей (из лучших дворянских “малороссийских семей” — М.К., Я.Л.), мотивируя

это тем, что в «Малороссии дворян нет!». И далее историк пишет, что отмеченная запретительная мера была снята только в 1767 г. [Посохова, 2018, с. 78].

Что примечательно, ни З.Е. Когут, ни М.В. Яременко, ни Л.Ю. Посохова, говоря об этом *сенатском указе*, ссылаются не на источник, а на монографию украинского историка конца XIX в. Д.П. Миллера.

Действительно, Д.П. Миллер в монографии 1897 г., довольно бегло останавливаясь на правовом положении малороссийской старшины в царствование Елизаветы Петровны, утверждал, что ее «шляхетские права ... продолжали игнорироваться так же, как они игнорировались и раньше». И в качестве единственного примера, подтверждающего этот тезис, он приводил следующее: «В это ... время (1761 г.) было подтверждено, что малороссияне не имеют права поступать в шляхетский кадетский корпус, потому что он учрежден для дворян, а в Малой России дворян нет. С точки зрения сената, дворянами были только те немногие из малороссиян, которые получили дворянские права по Высочайшему пожалованию или дослужились в русских регулярных полках и в канцеляриях до чинов, дающих потомственное дворянство». Правда, в подстрочном примечании Миллер написал, что «на практике, впрочем, это распоряжение не исполнялось. Для принятия малорусского ребенка в кадетский корпус требовались не документы о шляхетском звании, а только свидетельство двух «безусмысленных шляхтичей» о том, что он из природного малор[оссийского] шляхетства» [Миллер, 1897, с. 18]. Отметим, что указ Сената Миллер привел без точной даты и даже без ссылки. Более того, историк никак не разъяснил, каким же образом при действующем сенатском запрете малороссиян все же принимали в Корпус, ведь это была не провинциальная школа, где можно было действовать по принципу «до Бога — высоко, а до царя — далеко». Корпус все же был столичным учебным заведением, в буквальном и переносном смысле, и во главе которого в 1761 г. стоял наследник российского престола великий князь Петр Федорович.

Исследование Д.П. Миллера было не единственным, где упоминался искомый указ Сената. За несколько лет до выхода исследования Д.П. Миллера в 1891 г. вышло две работы, в которых затрагивалась история украинского шляхетства и ее стратегий интеграции в российское дворянство. Первая работа — это статья А.Я. Ефименко «Малорусское дворянство и его судьба». В нем историк рассуждала о феномене превращения украинской казацкой старшины XVII в. в малороссийское шляхетство к концу XVIII в. Помимо прочего, говоря о первых двух третях XVIII в., Ефименко писала: «Уже малорусский пан давно чувствовал, что не простонародная, а настоящая шляхетская кровь течет в его жилах, но тем не менее не только польский магнат, а даже и простой великорусский дворянин не хотел признать его за равного себе; он не имел еще государственного признания своих прав». По мнению Ефименко, «русское правительство было глухо» к первоначально выдвигаемым обоснованиям благородности. Соответственно, «остаться в таком межумочном положении, в каком находился малорусский пан, было не только неприятно, но и даже просто опасно: только дворянское достоинство давало санкцию обладания землей, а главным обязательным трудом — иначе вся панская сила была лишь простым голым фактом, создать и поддерживать

который было очень трудно, а уничтожить, одним почерком пера из Петербурга, ничего не стоило» [Ефименко, 1891, с. 554–555]. Как результат, малороссийская старшина занялась активным поиском своих «шляхетных» корней и составлением едва ли не подложных генеалогий, а также иных способов доказательства благородного происхождения. И далее Ефименко переходила к политике российского правительства, которое, несмотря на рисуемое историком могущество, не спешило его проявить и лишить старшину ее богатств, хотя не подтверждало и «благородства». Ефименко писала: «Трудно сказать, почему русское правительство так долго отказывалось признать дворянские права за малорусским панством. Что панство это было не чем иным, как козацкой старшиной, конечно, это трудно было забыть; но ведь также не мог еще придти в забвение и служилый характер русского дворянства. Не допуская детей малороссиян в Шляхетный кадетский корпус, ... “поелику-де в Малой России нет дворян” — запрещение, подтвержденное еще при Елизавете Петровне, русское правительство тем не менее постоянно подтверждало грамотами малорусским панам ... их права на землю». В связи с этим историк констатировала: «Стоя до поры до времени на страже народных интересов, Петербург не мог или не хотел видеть тем не менее, что земли эти в массе случаев есть прямая и самая несомненная собственность того землевладельческого населения, которое на них сидело. Каждый акт такого подтверждения был лишним шагом в сторону крепостного права и дворянской привилегированности» [Ефименко, 1891, с. 560–561]. Итак, хотя имперское правительство не нарушало землевладельческих прав старшины, способствуя ее одворяниванию, даже простые русские дворяне — что тогда говорить о знати! — не признавали за равных малороссийскую старшину, претендовавшую к середине XVIII в. на статус шляхетства. Правда, едва ли не единственным доказательством последнего оказывалось упоминание запрета принимать детей малороссиян в Шляхетный кадетский корпус, о котором историк написала, не приведя ни даты издания такого запрета, ни указав ссылки на источник таких сведений. Впрочем, на основании других ссылок из этого сочинения можно выяснить, откуда А.Я. Ефименко могла взять информацию о таком запрете. Так, говоря о законодательном закреплении прав малороссийского шляхетства историк активно ссылалась на известное историко-юридическое исследование А.В. Романовича-Славатинского о русском дворянстве XVIII–середины XIX вв., вышедшее в 1870 г. И именно оттуда, похоже, Ефименко и взяла эту информацию.

Вторая работа, вышедшая в 1891 г., принадлежала перу И.В. Теличенко и была посвящена проблеме выражения интересов социальных групп Украины в Уложенной комиссии Екатерины II. Историк указывал на особые хлопоты малороссийского шляхетства «об уравнивании с дворянством» и в качестве одной из причин этого указывал на «убеждение, господствовавшее в высших правительственных сферах, что в Малороссии нет дворян; так, например, Сенат незадолго перед этим подтверждая свое запрещение принимать малороссиян в шляхетский кадетский корпус, объявил, что в “Малой России нет дворян”» [Теличенко, 1891, с. 37]. К сожалению, и Теличенко не привел ссылки на источник этих сведений. Однако он реконструируется по другим ссылкам. Так, историк использовал монографию В.Н. Латкина об уложенных комиссиях XVIII в., вышедшую в 1887 г. Последний же со ссылкой на упомянутую книгу А.В. Романовича-Славатинского 1870 г. писал, что при Елизавете

Петровне Сенат подтвердил, чтоб малороссиян в шляхетный кадетский корпус не принимать, *поелику де в Малой России нет дворян*» [Латкин, 1887, с. 267].

Действительно, в этой работе 1870 г. А.В. Романович-Славатинский посвятил специальный раздел тому, как «права русского дворянства распространялись и на дворянство иноплеменное и на высшие классы тех частей России, которая имели свою особенную историю» [Романович-Славатинский, 1870, с. 87]. Именно здесь историк права остановился и на судьбе малороссийских шляхетства и старшины. Романович-Славатинский писал, что после 1654 г. «старшина стремилась занять в Малороссии то положение», которое ранее принадлежало польской шляхте [Романович-Славатинский, 1870, с. 98]. При этом старшина, из которой в итоге в XVIII в. «возникло шляхетство, возстановившее польския сословныя традиции», была заинтересована в том, чтобы за ними были юридически закреплены права на землю и трудившихся на ней посполитых. Это могло «произойти чрез слияние малороссийскаго шляхетства с русским дворянством, распространения на первое тех прав — а между прочим и крепостнаго права — которыми пользовались дворянство русское». Как результат, «малороссийская старшина начала к этому стремиться», и «стремления ея увенчались успехом». Однако, констатируя такой успех, Романович-Славатинский заявлял: «До этого слияния, русское правительство не считало малороссийскую шляхту за дворянство. Правами русского дворянства пользовались только те из малороссийской шляхты, которым оне были пожалованы .... или служили в русских полках и канцеляриях и получали чины, дающие права потомственнаго дворянства». Что же до других, то «прочие за дворян не признавались». И это Романович-Славатинский подтверждал следующим: «Еще при Елизавете Петровне сенат подтвердил, чтобы малороссиян в шляхетный кадетский корпус не принимать, *поелику-де в Малой России нет дворян*» [Романович-Славатинский, 1870, с. 103–104]. Как нетрудно заметить, именно такие сведения Романовича-Славатинского, в том числе и о некоем подтвержденном сенатском запрете, оказались общим источником для рассуждений как для В.Н. Латкина, так и для А.Я. Ефименко, И.В. Теличенко и, конечно, Д.П. Миллера. При этом последний несколько «уточнил» Романовича-Славатинского, придумав для сенатского распоряжения конкретный год — 1761 г.

Примечательно, что А.В. Романович-Славатинский не дал прямой ссылки на источник информации об отмеченном запрете на прием в Корпус детей украинской казацкой элиты. Однако в конце очерка о малороссийском дворянстве он поместил следующий комментарий: «В тех местах этого очерка, где нет цитат, мы пользовались двумя весьма интересными записками ... “О правах на дворянство малороссийских чинов” и “Замечания о Малой России”» [Романович-Славатинский, 1870, с. 110]. Благодаря искомой оговорке авторам настоящей работы удалось установить источник о сенатском запрете, хотя Романович-Славатинский и привел его название с ошибкой. Это был рукописный памфлет «Замечания, до Малой России принадлежащая», опубликованный в 1848 г. О.М. Бодянским.

Отмеченный памфлет известен по единственному рукописному экземпляру, который не содержит ни даты его написания, ни имени автора, ни места написания. Правда,

возможное время его составления позволяет установить то, что в нем упоминался указ «в Бозе повичающаго Государя Императора, Павла Перваго» [Замечания, 1848, с. 39]. Кроме того, в рукописи было помещено 24 цветных рисунка *малороссиян* «от Гетмана до поселянина», на которых было написано, что они нарисованы в 1802 г. в Черниговском народном училище [Строев, 1845, с. 31; Труды и летописи, 1827, с. 75]. Следовательно, за нижнюю хронологическую границу следует признать 1801 г. Скажем также несколько слов об истории рукописи. Она была прислана в Общество истории и древностей российских при Московском университете в феврале 1824 г. его членом И.С. Орлаем [Байцура, 1977, с. 190]. Последний, бывший по происхождению русином (он определял себя как *карпато-росса*), с 1821 г. являлся директором Нежинской гимназии. Он интересовался историей *русского народа*, частью которого он считал и русинов, и украинцев, в связи с чем довольно активно собирал соответствующие исторические сочинения [Байцура, 1977, с. 209]. Так как он не относил себя к украинцам, едва ли он возмутился содержанием «Замечаний, до Малой России принадлежащих», и, заинтересовавшись содержащимися в них историческими сведениями, счел возможным передать их в Общество истории и древностей российских. Там эта рукопись была отдана «на рассмотрение» Д.Н. Бантыш-Каменскому, который 24 апреля 1824 г. сообщил: «Замечания сии писаны, как должно думать, одним Великороссиянином, поселившимся в Малороссии». При этом он по поводу авторства добавлял: «Я слышал, будто сочинитель сих замечаний недавно умерший Директор Черниговской Гимназии, Ст. Сов. *Мих. Егор. Марков*». Что же до содержания, то, по мнению Бантыш-Каменского, «в иных местах видно несправедливое пристрастие, руководившее сочинителя. Он ... превозносит похвалами Великороссию и там же бранит безщадно Малороссию». В связи с этим Бантыш-Каменский подвергал критике сведения, приводимые в записке, в том числе и по следующему вопросу: «Не менее ошибается сочинитель и во мнении своем о Малороссийском Дворянстве, говоря ... "что оно до Царствования Екатерины Великой пребывало в презрительном положении"» [Труды и летописи, 1827, с. 73–75]. Если допустить, что сведения Бантыш-Каменского верны, то это сочинение, вполне возможно, было написано в начале XIX в. на Украине М.Е. Марковым.

Так или иначе, «Замечания, до Малой России принадлежащая» являлись документом начала XIX в., не отличавшимся точностью приводимых в нем сведений. И в нем действительно один из 30 параграфов был посвящен *малороссийскому дворянству*. Его автор утверждал, что последнее по преимуществу является потомками казацких старшин времен Богдана Хмельницкого, которые едва ли не происходили из восставших против польской власти крестьян. В своей основе эти старшины «были сначала неграмотные и, по подлой своей природе, без всякаго воспитания». После того, как «многие, получа от щедроты Российских Государей деревни, а другие проворством, начальством и хозяйством сами их наживши, сделались уже господами такими, какие изгнанные ими их Польские владельцы до того были». В связи с этим они стали претендовать фактически на уравнение своего статуса с великороссийским дворянством, для чего «не однократно .... просили в Сенате и у Престола, чтобы Малороссийские чины сравнить с классными Великороссийскими чинами». Однако «прозьба их всегда оставалась безуспешна,

а вместо того Сенат, при Императрице Елисавете Петровне, распорядился, чтобы Малороссиян в Шляхетский Кадетский корпус не принимать, **поелику, де, в Малой России нет дворян** (выделено нами. — М.К., Я.Л.». Более того, автор утверждал, что «Российское Правительство знало, что и сами Гетманы не что иное были, как выбранные самими Козаками из себя Козацкие главные начальники, происхождения, большею частию, подлаго». И «в таком презрительном положении Малороссийские чиновники» находились до царствования Екатерины II, которая «осчастливила их дворянским достоинством» [Замечания, 1848, с. 17–18].

Таким образом, приходится констатировать, что «факт» о запрете, а точнее — о подтверждении запрета принимать детей украинской казацкой элиты в Сухопутный шляхетный кадетский корпус в царствование Елизаветы Петровны на основании мнения Сената, что «в Малой России нет дворян», происходит из антиукраинского памфлета начала XIX в., а не является выявленным при работе с оригинальными источниками XVIII в. Этот «факт» стал распространяться благодаря тому, что его без должного — по современным стандартам — оформления ссылки привел А.В. Романович-Славатинский. Авторитета последнего оказалось достаточно, чтобы не сомневаться, что этот историк права действительно имел в своем распоряжении подлинный текст сенатского указа, а не опирался на сомнительную рукопись начала XIX в. В.Н. Латкин, И.В. Теличенко, А.Я. Ефименко и Д.П. Миллер закрепляют в своих сочинениях этот «факт», после чего он приобретает статус бесспорного. Как результат, «факт» получает дальнейшее распространение в исторических исследованиях, реконструировавших политику российского правительства в отношении статуса казацкой элиты Гетманской Украины в середине XVIII в., а также начинает использоваться в ангажированной публицистике и научно-популярной литературе (Н.И. Ульянов и С.С. Беляков).

Примечательно, что историки, приводя такой «факт», не посчитали нужным изучить историю появления этого «указа», равно как и связанную с этим проблему поступления детей украинской элиты в Сухопутный кадетский шляхетный корпус, предпочтя строить свои выводы на небольшой цитате из мнимого источника. Правда, этот аспект российско-украинских отношений в работе 2018 г. кратко рассмотрел И.И. Федюкин. Он констатировал, что с конца 1740-х гг. среди кадетов появляются отпрыски ряда старшинских семей: Сулим, Горленок, Милорадовичей, Трощинских, Полетик, Маркевичей, Кулябок, Лукашевичей [Федюкин, 2018, с. 272]. Однако историк не привел описаний практик зачисления. Между тем, именно обращение к практикам зачисления детей украинской казацкой элиты позволит выяснить, существовал ли такого рода запрет, равно как и понять, проводилась ли к началу 1760-х гг. политика дискриминации украинской казацкой элиты со стороны российского правительства.

До сих пор доподлинно неизвестно, кто первым из «малороссиян» стал учиться в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе. Для зачисления в кадеты требовалось подтверждение благородного происхождения, что было большой проблемой для украинцев, у которых практически отсутствовала практика документации этого. Однако, как явствует из «диариуша» (поденной записки) Н.Д. Ханенко, в конце 1740-е гг. для подтверждения благородства было достаточно свидетельства троих

настоящих шляхтичей [Дневник Ханенко, 1884, с. 378–379]. После восстановления гетманства в 1750 г. такого рода свидетельство стало предоставляться гетманом. При этом решение о зачислении принималось непосредственно в Сенате. Проиллюстрируем это несколькими примерами. Так, в 1756 г. кадетом пожелал стать Петр Лукашевич, сына полкового есаула Переяславского полка. В своем доношении в Сенат директор Корпуса кн. Б. Г. Юсупова отмечал, что П. Лукашевич «подлинно из шляхетства..., о том писменно засвидетельствовал его сиятельство ясновельможный малороссийский гетман и разных орденов кавалер, граф Кирилла Григорьевич Разумовский». Схожим образом, в 1760 г. гетман подтвердил, что Владимир и Иван Марковичи «подлено из дворян малороссийских» [РГАДА, ф. 248, д. 3217, л. 347об.]. К формулировкам о благородном происхождении претендента на зачисление в кадеты могло быть сделано такое уточнение: «А показанной де полковаго обознаго чин в Малой России щитається в шляхетстве» (дело 1756 г. о зачислении детей полкового обознаго Лубенского полка И. Кулябки Иосифа и Якова) [РГАДА, ф. 248, д. 3017, л. 65, 239]. Все, получившие от гетмана подтверждение их дворянского происхождения, на основании решений Сената были приняты в Корпус.

Правда, в 1761 г. в Сенате действительно был поднят вопрос о малороссийском шляхетстве в связи с поступлением в Корпус. 10 декабря этого года сенатор граф Р. И. Воронцов подал в Сенат свое предложение, в котором заявил: «По не знанию и по неимению в Герольдии списков Малороссийского шляхетства пользуются теми же правами равно как шляхтичи Малороссийские, так и простородные, называя себя шляхтичами, а при том и здесь в произвождении оных в чины сомнения и затруднения от неведения о их шляхетстве происходят, как оное видно из присланного сего 1761 года марта 24 дня в ... Сенат из Сухопутного шляхетного кадетского корпуса ... доношения». Это утверждение он предварил рассуждениями, что «при принятии Малороссийского народа под Российскую державу» Алексеем Михайловичем «сверх подтверждения Малороссийских древних прав ... даны им и те преимущества, чтобы из них природным шляхтичам, стародавние маестности в Малороссии имеющим, пользоваться так же правами и преимуществами великороссийского дворянства, быть принимаемыми в военную великороссийскую службу, так же в штатскую и придворную, покупать деревни и владеть преимуществами». И, по мнению сенатора, все эти «права и преимущества при поставлении всех гетманов» подтверждались «без изъятия» российскими монархами. Получалось, что Воронцов не сомневался о существовании малороссийского шляхетства. Его заботило совсем другое: как отличить «шляхтича» от «простородного». В связи с этим он предложил Сенату следующее: «Послать к Малороссийскому Гетьману лист, дабы для пресечения в произвождении сомнений и чтобы впредь никто кроме подлинных шляхтичей дворянскими правами внутрь Великороссии не пользовался, повелено было из Малой России всему тамошнему шляхетству прислать в ... Герольдию списки с точными доказательствами о их шляхетстве и с показанием полученных тем шляхетством от польских королей или от российских государей грамотех» [НИА СПбИИ РАН, ф. 36, оп. 1, д. 1068, л. 58–58об.]. Это воронцовское предложение было принято, и соответствующую грамоту направили гетману [Лазарев, 2017, с. 73–74].

Итак, документы свидетельствуют, что в царствование Елизаветы Петровны в Сенате не слышали ни о каком запрете принимать детей украинской казацкой элиты в Сухопутный шляхетный кадетский корпус, равно как и том, что якобы в «Малороссии нет дворян». Разрешая принимать старшинских детей в Корпус, Сенат фактически признавал за представителями казацкой элиты Гетманской Украины статус малороссийского шляхетства. Таким образом, измышления памфлетиста начала XIX в. на эту тему являются ложными. Правда, в Сенате под конец правления Елизаветы Петровны оказались обеспокоены из-за отсутствия в Герольдии документально подтвержденных списков малороссийского шляхетства, на основании которых можно было бы определить, какой из малороссиян является *благородным*, а какой – *простородным*. За таким требованием можно было бы увидеть акт проявления недоверия российского правительства в отношении украинской казацкой элиты. Однако, как перед этим было продемонстрировано на примере зачисления в Корпус детей малороссийской старшины, для доказательства благородства оказывалось достаточно лишь свидетельства гетмана. Сенат, будучи высшим государственным органом Российской империи, имел все права отказать в зачислении детям украинской казацкой элиты или хотя бы затребовать дополнительные документальные подтверждения. Тем не менее, этого не происходило. В связи с этим приходится констатировать высокую степень доверия гетманскому свидетельству со стороны Сената. Чем оно было обусловлено?

Если подходить к этому вопросу с формальной точки зрения, то у гетмана отсутствовали официальные рычаги воздействия на решения, принимаемые Сенатом, в отличие от последнего, в ведении которого находилась «Малая Россия». Однако Сенат и гетман – это не просто безликие органы управления. Это были конкретные люди, которые помимо исполнения от имени государства официальных функций и выстраивания формальных взаимоотношений, могли находить взаимопонимание на неформальном уровне. И здесь необходимо обратиться к проблеме места гетмана К.Г. Разумовского в правящей элите Российской империи.

Воцарение Елизаветы Петровны в результате дворцового переворота привело к немаловажным изменениям в столичной элите. Придя к власти насильственным путем и не обладая по действовавшему законодательству правами на престол [Киселев, 2017, с. 98–117], она постаралась окружить себя преданными ей людьми, обязанными своим положением, прежде всего, ее милости. Как результат, в 1740-е гг. происходит возвышение нескольких незнатных семейств, связанных до 1741 г. с двором цесаревны Елизаветы Петровны – Воронцовых, Разумовских и Шуваловых. Их представители занимают ряд важных государственных постов. Новая императрица не забывала и своих родственников, как по мужской линии – Нарышкиных, так и по женской – Скавронских, Гендриковых и Ефимовских. Своеобразным маркером, подчеркивавшим положение приближенных Елизаветы Петровны, стала *аристократизация* этих семейств. В 1742 г. в графское достоинство были возведены Гендриковы и Ефимовские, в 1744 г. – А.Г. и К.Г. Разумовские, а в 1746 г. – П.И. и А.И. Шуваловы. Кроме того, в 1744 г. М.И. Воронцов, ставший вице-канцлером, с позволения императрицы принял титул графа Священной Римской империи.

Дополнительно поддержанию единства Елизаветы Петровны и ее ближайшего окружения способствовали матримониальные связи. Так, М.И. Воронцов женился в 1742 г. на двоюродной сестре Елизаветы Петровны графине А.К. Скавронской, а в 1746 г. К.Г. Разумовский сочетался браком с другой родственницей императрицы Е.И. Нарышкиной. Можно в связи с этим вспомнить и случаи кумовства. Например, И.И. Воронцов, сообщив о рождении у него дочери Марьи 25 октября 1759 г. своему брату Р.И. Воронцову, писал, что «крестить дочь мою будет кумою графиня К.И. Разумовская з другом моим Василием В. Нарышкиным» [РГАДА, ф. 1261, оп. 3, д. 129, л. 98].

Таким образом, Елизавета Петровна на уровне неформальных отношений фактически создавала вокруг себя *новую аристократию*, сплоченную общим источником приобретения влияния и знатности, т.е. милостью императрицы, а также родственными и дружескими связями. И одним из ярких представителей этой елизаветинской новой знати оказывался К.Г. Разумовский, ставший в 1750 г. гетманом Войска Запорожского.

В связи с этим едва ли стоит удивляться тому, что К.Г. Разумовский в письме от 28 июня 1761 г. мог так обратиться к сенатору Р.И. Воронцову, игравшему с 1760 г. важную роль в имперской политике, став главой Уложенной комиссии: «Давно уже я к вашему сиятельству не писал. Причина тому была езда моя по Украине, а на последок лихорадка с горячкою, от которой на силу Бог меня свободил. Матери я теперь ни какой не имею, о чем бы к вам писать, а нужные дела, которые и есть по перепискам сенатским, требуют, я вижу, персонального с друзьями моими разговору, в том числе наипаче и с вашим сиятельством; чего ради стараюсь теперь, чтоб дозволено мне было на легке по осени приехать к вам в Санктпетербург, где иметь буду и удовольствие, хотя чрез несколько месяцев, пока пребуду, с вами, вашу дружескую компанию по прежнему пользоваться. А между тем постоянно емь всегда от сердца» [НИА СПБИИ РАН, ф. 36, оп. 1, д. 1104, л. 251]. Переписку схожего рода Разумовский вел и со старшим братом Р.И. Воронцова Михаилом Илларионовичем, который в елизаветинское царствование играл ключевую роль в выстраивании внешнеполитического курса государства. Соответственно, по одному из вопросов, связанных с внешней политикой в контексте Семилетней войны (1756–1763 гг.) гетман в собственноручном письме от 5 апреля 1757 г. так обращался к М.И. Воронцову: «Я ... имею твердую надежду, что вы ... употребите старание добраго друга... Моя преданность к в[ашему] с[иятельству], любовь и дружба нелицемерная заставляет вас делать, что должность друга в таких случаях требует, в чем я нимало и не сомневаюсь» [Архив князя Воронцова, кн. 4, 1872, с. 381].

Основываясь на письмах такого рода, можно сказать, что К.Г. Разумовский воспринимал М.И. Воронцова и Р.И. Воронцова как близких друзей, с которыми решение политических вопросов оказывалось частью *дружеского разговора*. Правда, можно допустить, что такие формулировки есть лишь результат проявления вежливости и следования дворянскому эпистолярному этикету. Однако обращение к внутри-семейной переписке, которую вели братья Воронцовы, показывает, что и в ней

К.Г. Разумовский воспринимался именно через призму *дружбы*. Так, И.И. Воронцов, младший брат М.И. и Р.И. Воронцова, 3 июня 1759 г. собственноручно писал последнему и просил его проинформировать, когда К.Г. Разумовский поедет в Москву: «Чтоб я в дальнюю деревню не уехал. Нетерпеливо его сиятельства ожидаю сюда, сего любезнаго и честнаго нашего друга. Прошу мое почтение и поклон ему засвидетельствовать» [РГАДА ф. 1261, оп. 3, д. 129, л. 67].

Следует отметить, что К.Г. Разумовский интересовал И.И. Воронцова не только по причине желания выразить ему свое почтение. Дело в том, что гетман был подполковником гвардейского Измайловского полка, а его старший брат Алексей Григорьевич – подполковником Конногвардейского полка. В связи с этим И.И. Воронцов хлопотал за своих детей, детей родственников и даже знакомых, чтобы Разумовские способствовали их продвижению в гвардии. Например, он в другом собственноручном письме брату Роману Илларионовичу от 6 февраля 1761 г. сообщал следующее, прося его оказать покровительство молодому гвардейцу Ф.А. Новикову: «Сасед мне и из давних лет знакомец и приятель Андрей Иванович Навиков, и вы его вспомнить изволите, с вами в одном полку лейб-гвардии Измайловском служил и честной человек. Я тогда еще молод был, а вам тогда и венусовы дела извесны были. Ныне господин Навиков в отставке и дворянскую жизнь в деревнях ведет, сына его Федора Андреевича прошедшей зимы **граф К.Г. Разумовской по моей прозьбе в Ызмайловской полк в салдаты написал** (выделено нами. – М.К., Я.Л.)» [РГАДА, ф. 1261, оп. 3, д. 131, л. 260]. Собственно, факты такого рода показывают, что за *дружбой* помимо общности судьбы, связанной с Елизаветой Петровной, стояли и прагматические интересы взаимного обмена услугами. И здесь гетман имел свои возможности для патронажа/покровительства/посредничества для представителей великороссийского дворянства.

Таким образом, дошедшая до нас переписка елизаветинской новой знати демонстрирует, что гетман был вполне интегрирован в их сети доверия. На наш взгляд, именно это стало прочной основой для одобрительной реакция со стороны Сената на прием детей украинской казацкой элиты в Сухопутный шляхетный кадетский корпус на основании лишь гетманского свидетельства о благородстве без истребования дополнительных документов. Это же, в свою очередь, фактически вело к подтверждению за украинской казацкой элитой статуса малороссийского шляхетства.

При этом следует отметить, что отсутствие оспаривания «благородного» статуса вкупе с тем покровительством, которое могли дать братья Разумовские, стало приводить к интересному эффекту: дети украинской казацкой старшины с царствования Елизаветы Петровны начинают делать карьеру не на Гетманской Украине, а в Санкт-Петербурге. Наиболее ярким примером этого является семейство Гудовичей. Два сына бунчукового товарища В.А. Гудовича, который смог дослужиться в Гетманщине в 1760 г. до генерального подскарбия, не без содействия К.Г. Разумовского добились немалых карьерных успехов при дворе. А.В. Гудович был камергером при наследнике великом князе Петре Федоровиче,

а по восшествии на престол последнего в 1761 г. стал его генерал-адъютантом. Его младший брат И.В. Гудович уже в начале своей карьеры числился флигель-адъютантом П.И. Шувалова (1759 г.), а при Петре III был пожалован в генерал-адъютанты при дяде императора принце Георге. После прихода к власти Екатерины II А.В. Гудович, фактически храня верность Петру III, вышел в отставку. Однако И.В. Гудович продолжил службу и сделал блестящую карьеру, внося свой вклад в присоединение Кавказа, затем получив в 1797 г. графский титул, а в 1809 г. став московским главнокомандующим. Конечно же, семейство Гудовичей было лишь одним из примеров успешной имперской карьеры представителей украинской казацкой элиты в России второй половины XVIII в.

Таким образом, можно утверждать, что ни претензии украинской казацкой элиты на «шляхетский» статус, ни стремления ее детей поступать в российские дворянские учебные заведения к началу 1760-х гг. не вызывали значимых возражений со стороны российской правящей элиты. Едва ли не единственный факт, на основании которого можно прийти к противоположному выводу («сенатский указ 1761 г.»), оказывается вымыслом автора анонимной памфлета начала XIX в., вошедшим без должной источниковедческой проверки в академическую историографию, научно-популярную литературу и ангажированную публицистику. Следовательно, для формирования элитарного канала интеграции на практике не существовало явных политических и административных преград. Более того, насколько можно судить, таких преград не существовало и в предыдущие времена. Почему же именно в царствование Елизаветы Петровны происходят качественные изменения в стратегиях элитарной интеграции?

Как нам видится, ключевую роль в этом сыграло стечение уникальных обстоятельств. Приход к власти Елизаветы Петровны вознес на вершины российской власти двух простых казаков — братьев Разумовских, один из которых, Алексей, был фаворитом императрицы. Оба брата стали руководителями двух гвардейских полков и видными имперскими сановниками, в том числе Кирилл получил гетманский уряд. При этом подчеркнем, что новый статус братьев невозможно рассматривать вне контекста их неформальных отношений с *незнатными семействами*, выдвинувшимися в результате дворцового переворота Елизаветы Петровны и в скором времени *аристократизировавшимися*. Представители этой *новой знати* заняли ключевые посты, через которые влияли на вектор внутренней и внешней политики, сословной политики государства. И именно частью этой т.н. *новой знати*, сплоченной вокруг императрицы личной преданностью и матримониальными связями, оказались также графы Разумовские.

На наш взгляд, случившаяся на неформальном уровне «смычка» сыграла важную роль в том, чтобы российская правящая элита в итоге стала готова официально признать украинскую казацкую элиту в качестве благородного малороссийского шляхетства, равного российскому дворянству. В свою очередь такое признание сказалось на карьерных и образовательных практиках украинской казацкой элиты второй половины XVIII в. Успешная и вполне добровольная интеграция

Разумовских повлекла за собой столь же успешную инкорпорацию казацкой элиты, в результате которой ее представители оказались новыми архитекторами и строителями империи. Соответственно, с учетом этого едва ли приходится говорить о «травматической» интеграции украинского шляхетства в общеимперское дворянское сословие.

В связи с этим любопытно провести параллель с историей прибалтийских земель и ее элит, вошедших в состав Российского государства в годы Северной войны (1700–1721 гг.). В условиях отсутствия покровительства среди правящей элиты Швеции и целенаправленной политики королевской власти на пересмотр прав на собственность (*редукция* второй половины XVII в.) прибалтийское дворянство оказалось поставлено перед угрозой лишения своего привилегированного положения. Последнее подтолкнуло ее присягнуть Петру I, которого данные вопросы, в отличие от лояльности, не волновали [Зутис, 1937, с. 7–17, 156]. Итак, угроза привилегированному статусу привела не к покорности, а к обратному эффекту. Стоит полагать, если бы что-то подобное позволило себе российское правительство, оно тоже могло столкнуться с проявлением нелояльности такого рода. Однако оно оказалось способным на более гибкую политику, которая в немалой степени проистекала из специфики конфигурации неформальных отношений среди правящей элиты России середины XVIII в.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Архив князя Воронцова. Кн. 4. М.: Типография Ф. Иогансон, 1872. 558 с.
- Байцура Т.* Иван Семенович Орлай. Жизнь и деятельность. Пряшев: Словацкое педагог. изд-во в Братиславе; Отд-ние украинской лит-ры в Пряшеве, 1977. 235 с.
- Дневник генерального хоружаго Николая Ханенка, 1723–1753 г. Киев: Тип. Г.Т. Корчак-Новицкого, 1884. 554 с.
- Ефименко А.Я. Малорусское дворянство и его судьба // *Вестник Европы*. 1891. Кн. 8. С. 515–569.
- Замечания, до Малой России принадлежащая. М.: В универ. типографии, 1848. [6], 55 с.
- Зутис Я.Я.* Политика царизма в Прибалтике в первой половине XVIII века. М.: Соцэкгиз, 1937. 215 с.
- Киселев М.А.* «По правам всего света»: легитимация дворцового переворота 1741 г. и проблема законности воцарения Елизаветы Петровны // *Россия XXI*. 2017. № 5. С. 98–117.
- Когут З.Е.* Російський централізм і українська автономія: Ліквідація Гетьманщини, 1760–1830. Київ: Основи, 1996. 317 с.
- Лазарев Я.А.* Место украинской казацкой элиты в составе российского дворянства в первой половине 1760-х гг. // *Вопросы истории*. 2017. № 3. С. 70–85.

Латкин В.Н. Законодательные комиссии в России в XVIII ст. Т. I. СПб.: Изд-е Л.Ф. Пантелеева, 1887. 607 с.

Миллер Д.П. Очерки из истории и юридического быта старой Малороссии: Превращение козацкой старшины в дворянство. Киев: Тип. Императорского Универ. Св. Владимира, 1897. 135 с.

Научно-исторический архив Санкт-Петербургского Института истории РАН (НИА СПбИИ РАН). Ф. 36. Оп. 1. Д. 1068.

Плохий С.М. Козацький міф. Історія та націєтворення в епоху імперій. Київ: Laurus, 2013. 440 с.

Плохий С.М. Походження слов'янських націй. Домодерні ідентичності в Україні, Росії та Білорусії. Київ: Критика, 2015. 456 с.

Посохова Л.Ю. Нобилитация казацкой старшины Гетманщины и Слободской Украины и эволюция стратегий воспитания в ее среде в XVIII веке // *Идеал воспитания дворянства в Европе: XVII–XIX века*. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 60–81.

Романович-Славатинский А.В. Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права. Свод материала и приготовительные этюды для исторического исследования. СПб.: Тип. Министерства внутренних дел, 1870. 594 с.

Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 248. Д. 3017.

РГАДА. Ф. 248. Д. 3217.

РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 129

РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 131.

Строев П.М. Библиотека Императорского общества истории и древностей российских. М.: В тип. Августа Семена, 1845. 354 с.

Теличенко И.В. Сословные нужды и желания малороссиян в эпоху екатерининской комиссии. Киев: Тип. Г.Т. Корчак-Новицкого, 1891. 279 с.

Труды и летописи Общества истории и древностей российских. Ч. III. Кн. II. М.: В Универ. Тип., 1827. 212 с.

Український Гетьманат: нариси історії національного державотворення XVII–XVIII ст. в 2 кн. Кн. 1–2. Київ: Інститут історії України НАН України, 2018. 610 с., 580 с.

Федюкин И.И. «От обоих истинное шляхетство»: Сухопутный шляхетский кадетский корпус и конструирование послепетровской элиты, 1731–1762 // *Идеал воспитания дворянства в Европе: XVII–XIX века*. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 245–273.

Kohut Z.E. The Ukrainian Elite in the Eighteenth Century and Its Integration into the Russian Nobility // *The Nobility in Russia and Eastern Europe* / Ed. by I. Banac and P. Bushkovitch. New Haven: Yale Concilium on International and Area Studies, 1983. Pp. 65–97.

REFERENCES

Arhiv knyazya Voroncova [Archive of Prince Vorontsov]. Kn. 4. M.: Tipografiya F. Ioganson, 1872. 558 p. (in Russian).

Bajcura T. *Ivan Semenovich Orlaj. Zhizn' i deyatel'nost'* [Ivan Semenovich Orlai. Life and activities]. Pryashev: Slovackoe pedagog. Izd-vo v Bratislave; Otd-nie ukrainskoj lit-ry v Pryasheve, 1977. 235 p. (in Russian).

Dnevnik general'nogo horuzhago Nikolaya Hanenka, 1723–1753 g. [Diary of General Flag-Bearer Nikolay Khanenko, 1723–1753]. Kiev: Tip. G.T. Korchak-Novickogo, 1884. 554 p. (in Russian).

Efimenko A.Ya. *Malorusskoe dvoryanstvo i ego sud'ba* [Little Russian nobility and its fate], in *Vestnik Evropy*. 1891. Kn. 8. Pp. 515–569 (in Russian).

Zamechaniya, do Maloj Rossii prinadlezhashchiya [Remarks about Little Russia]. M.: V univer. tipografii, 1848. [6], 55 p. (in Russian).

Zutis Ya.Ya. *Politika carizma v Pribaltike v pervoj polovine XVIII veka* [The policy of tsarism in the Baltic in the first half of the XVIII century]. M.: Socehgiz, 1937. 215 p. (in Russian).

Kiselev M.A. "Po pravam vsego sveta": legitimaciya dvorcovogo perevorota 1741 g. i problema zakonnosti vocareniya Elizavety Petrovny ["According to rights of the whole world": legitimization of palace coup of 1741 and problem of legality of accession of Elizabeth Petrovna], in *Rossiya XXI*. 2017. № 5. Pp. 98–117 (in Russian).

Kogut Z.E. *Rosijs'kij centralizm i ukrains'ka avtonomiya: Likvidaciya Get'manshchini, 1760–1830* [Russian Centralism and Ukrainian Autonomy: Liquidation of the Hetmanate, 1760–1830]. Kiiiv: Osnovi, 1996. 317 p. (in Ukrainian).

Lazarev Ya.A. *Mesto ukrainskoj kazackoj ehliny v sostave rossijskogo dvoryanstva v pervoj polovine 1760-h gg.* [The place of the Ukrainian Cossack elite in the Russian nobility in the first half of the 1760s], in *Voprosy istorii*. 2017. № 3. Pp. 70–85 (in Russian).

Latkin V.N. *Zakonodatel'nyya komissii v Rossii v XVIII st.* [Legislative commissions in Russia in the XVIII century]. T. I. SPb.: Izd-e L.F. Panteleeva, 1887. 607 p. (in Russian).

Miller D.P. *Ocherki iz istorii i yurdiicheskogo byla staroj Malorossii: Prevrashchenie kozackoj starshiny v dvoryanstvo* [Essays from history and the legal being of old Little Russia: The transformation of the Cossack officers in the nobility.]. Kiev: Tip. Imperatorskogo Univer. Sv. Vladimira, 1897. 135 p. (in Russian).

Nauchno-istoricheskij arhiv Sankt-Peterburgskogo Instituta istorii RAN [Scientific and Historical Archive of the St. Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences] (NIA SPbII RAN). F. 36. Inv. 1. D. 1068.

Plohij S.M. *Kozac'kij mif. Istorija ta nacietvorennja v epohu imperij* [Cossack myth. History and nation-building in the era of empires]. Kiiiv: Laurus, 2013. 440 p. (in Ukrainian).

Plohij S.M. *Pohodzhennja slovyans'kih nacij. Domoderni identichnosti v Ukraïni, Rosij ta Bilorusij* [Origin of the Slavic nations. Premodern identity in Ukraine, Russia and Belarus.]. Kiiiv: Kritika, 2015. 456 p. (in Ukrainian).

Posohova L.Yu. Nobilitaciya kazackoj starshiny Getmanshchiny i Slobodskoj Ukrainy i ehvolyuciya strategij vospitaniya v ee srede v XVIII veke [Nobilization of Cossack officers of Hetmanat and Slobidska Ukraine and the evolution of their parenting strategies in the 18th century], in *Ideal vospitaniya dvoryanstva v Evrope: XVII–XIX veka* [The ideal of educating the nobility in Europe: XVII – XIX century]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2018. Pp. 60–81 (in Russian).

Romanovich-Slavatinskij A.V. *Dvoryanstvo v Rossii ot nachala XVIII veka do otmeny krepostnago prava. Svod materiala i priugotovitel'nye ehtyudy dlya istoricheskago issledovaniya* [The nobility in Russia from the beginning of the XVIII century until the abolition of serfdom. Code of material and preliminary studies for historical research]. SPb.: Tip. Ministerstva vnutrennih del, 1870. 594 p. (in Russian).

Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov [Russian State Archive of Ancient Acts] (RGADA). F. 248. D. 3017.

RGADA. F. 248. D. 3217.

RGADA. F. 1261. Inv. 3. D. 129

RGADA. F. 1261. Inv. 3. D. 129

Stroev P.M. *Biblioteka Imperatorskago obshchestva istorii i drevnostej rossijskikh* [Library of the Imperial Society of Russian History and Antiquities]. M.: V tip. Avgusta Semena, 1845. 354 p. (in Russian).

Telichenko I.V. *Soslovnyya nuzhdy i zhelaniya malorossiyan v ehpohe ekaterininskoj komisii* [The estates needs and desires of Little Russians in the era of Catherine's commission]. Kiev: Tip. G.T. Korchak-Novickogo, 1891. 279 p. (in Russian).

Trudy i letopisi Obshchestva istorii i drevnostej rossijskikh [Works and chronicles of the Society of Russian History and Antiquities]. Ch. III. Kn. II. M.: V Univer. Tip., 1827. 212 p. (in Russian).

Ukraïns'kij Get'manat: narisi istorii nacional'nogo derzhavotvorenniya XVII–XVIII st. v 2 kn. [Ukrainian Hetmanate: essays on the history of the national state-building of the XVII–XVIII centuries. in 2 books]. Kn. 1–2. Kiiv: Institut istorii Ukraïni NAN Ukraïni, 2018. 610 p., 580 p. (in Ukrainian).

Fedyukin I.I. "Ot oboih istinnoe shlyahetstvo": Suhoputnyj shlyahetskij kadetskij korpus i konstruirovanie poslepetrovskoj ehliny, 1731–1762 ["From both the true nobility": the noble cadet corps and the construction of the post-Petrine elite, 1731–1762], in *Ideal vospitaniya dvoryanstva v Evrope: XVII–XIX veka* [The ideal of educating the nobility in Europe: XVII–XIX century]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2018. Pp. 245–273 (in Russian).

Kohut Z.E. The Ukrainian Elite in the Eighteenth Century and Its Integration into the Russian Nobility, in *The Nobility in Russia and Eastern Europe* / Ed. by I. Banac and P. Bushkovitch. New Haven: Yale Concilium on International and Area Studies, 1983. Pp. 65–97.